

КНИГА О ВЕЛИКОМ И МОГУЩЕСТВЕННОМ ЦАРЕ РОССИИ И КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ (перевод Ю.В. Готье)

1. Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г., предпринятое рыцарем сэром Х. Уиллоуби и выполненное Ричардом Ченслором, старшим кормчим плавания. Написано на латинском языке Климентом Адамсом.

Когда наши купцы заметили, что английские товары имеют мало спроса у народов и в странах вокруг нас и близ нас и что эти товары, которые иностранцы когда-то на памяти наших предков настойчиво разыскивали и желали иметь, теперь находятся в пренебрежении и цены на них упали, хотя мы их сами отвозим к воротам своих покупателей, а между тем иностранные товары дают большую прибыль и цены на них сильно поднимаются, некоторые почтенные граждане Лондона, люди большой мудрости и заботящиеся о благе своей родины, начали раздумывать между собой, как бы помочь этому тяжелому положению. Им казалось, что средство удовлетворить их желание и изжить все неудобства имеется налицо, ибо, видя, как удивительно растет богатство испанцев и португальцев, вследствие открытий новых стран и поисков новых торговых рынков, они предположили, что могут добиться того же самого, и задумали совершенно новое и необыкновенное морское путешествие. А так как в то самое время случилось, что в Лондоне находился некто Себастьян Кабота, муж в те времена знаменитый, то они начали с того, что прилежно советовались с ним и, после многих переговоров и совещаний, было в конце концов принято решение, что будут приготовлены и снаряжены три корабля для исследований и открытий в северных частях света, чтоб найти нашим людям путь и проход для путешествий в новые неизвестные государства.

Требовалось предусмотреть очень многое в этом тяжелом и трудном деле; поэтому они прежде всего избрали некоторых почтенных и мудрых людей и составили нечто вроде сената или общества, чтобы совместно обсудить, дать свои заключения и озаботиться заготовлением необходимых и полезных вещей на всякий случай. Общество сочло полезным, чтобы публичным порядком была собрана некоторая сумма денег на снаряжение стольких кораблей. Чтобы не обременять каждое отдельное лицо слишком большими

издержками, было решено, что каждый, кто желает быть членом общества, уплачивает долю в 25 фунтов; благодаря этому в короткое время была собрана сумма в шесть тысяч фунтов; были куплены три корабля, которые в значительной мере были вновь перестроены и отделаны. Я не знаю, чему в этом деле отдать предпочтение — заботливости ли купцов или прилежанию кораблестроителей: купцы доставали крепкий, хорошо выдержанный строевой лес; кораблестроители же, работая изо дня в день с величайшим искусством, приготовили корабли к отправке. Они проконопатили и осмолили их и, благодаря искусному изобретению, сообщили им крепость и стойкость. Они узнали, что в некоторых местах в океане водятся черви, которые проникают в самый крепкий дуб и проедают его и, чтобы предохранить моряков и остальных участников путешествия от такой опасности, они покрыли часть киля тонким свинцовым листом. После того как корабли были отстроены и снабжены оружием и артиллерией, последовала новая забота, не менее настоящая и трудная, чем первая, а именно — забота о съестных припасах, которые надо было иметь в количестве, соответствующем сроку и длине путешествия. Они заранее решили плыть в восточную часть света, но так как море в том направлении было закрыто и туда можно проникнуть только северным путем, а с другой стороны, было неясно, есть ли в той стороне проход или нет, они решили снабдить корабли запасами на 18 месяцев по такому расчету: мудро предвидя, что нашим людям придется плыть по ужасно холодным странам, они положили, что следует иметь припасов на шесть месяцев, чтобы доехать до места, столько же, чтобы оставаться на месте, если крайние зимние холода помешают их возвращению, и столько же на время обратного плавания.

Когда провиант был заготовлен и свезен на корабли вместе с вооружением и всякими другими припасами, потребовались достаточно хорошие капитаны и руководители этого огромного предприятия. Хотя очень многие (в числе их были и совсем неопытные люди) предлагали свои услуги, особенно настойчивое желание, чтобы ему были поручены заботы и руководство предприятием, выражал некий сэръ Хью Уиллоуби, храбрый дворянин, знатного происхождения. Компания ставила его очень высоко в сравнении с другими, как вследствие его представительной наружности (он был высокого роста), так и его замечательного искусства в делах военных.

Таким образом в конце концов они и постановили избрать его начальником плавания и назначили адмиралом с полной властью и с подчинением ему всех остальных лиц. Получить в управление другие корабли также желали очень многие и также предлагали услуги, но по общему согласию был избран некто Ричард Ченслор, человек пользовавшийся большим уважением за свой ум. С ним одним связывались наибольшие надежды на то, что предприятие будет выполнено. Он был выдвинут неким господином Генри Сиднеем, благородным молодым дворянином, очень близким к королю Эдуарду. Сидней, явившись в собрание купцов, произнес красноречивую речь, обратившись к ним со следующими словами:

“Мои достопочтенные друзья, я могу только приветствовать ваше настоящее угодное богу и добродетельное намерение начать это важное предприятие, объясняемое вашей особенной любовью к родине. Я надеюсь, что начатое дело принесет пользу нашему народу и почет нашей стране. И мы, дворяне, готовы в меру наших сил помогать и содействовать вашим намерениям, и нет ничего столь дорогого и ценного, чем бы мы не пожертвовали в столь почтенном деле. Что касается меня, то я особенно радуюсь тому, что я всегда держался мысли какими-нибудь средствами и в какой-нибудь мере помочь и содействовать вам в вашем достойном деле. Но я хотел бы, чтоб вы знали, что я расстаюсь с Ченслором вовсе не потому, что я невысоко ставлю его или потому, что его пребывание здесь было бы для меня тягостным, но для того чтобы вы могли усвоить себе и понять мою добрую волю и готовность содействовать успеху вашего дела и чтобы Ченслору был воздан почет, которого он заслуживает. Вы знаете этого человека со слов других, я — по опыту; вы по его словам, я — по его делам; вы—на основании речей в обществе, я же, ежедневно наблюдая его жизнь, знаю его в совершенстве. Вы должны помнить, на какие опасности он идет для вас и из любви к родине; поэтому необходимо, чтобы его не забыли, если богу будет угодно послать ему успех. Мы вверяем немного денег счастью и случайностям фортуны; он же вверяет жизнь, самое дорогое для человека, свирепому морю и случайностям многочисленных опасностей. Мы будем жить и отдыхать у себя дома, спокойно проводя время с друзьями и знакомыми, а он в то самое время будет нести тяжелый труд, поддерживая порядок и послушание среди невежественных смутьянов моряков. Какие заботы будут смущать и

мучить его? Какие тревоги будут терзать его? Сколько беспокойств ему придется перенести? Мы останемся на наших берегах и в нашей стране; он будет искать необыкновенных и неведомых государств. Свою безопасность он будет вверять жестоким варварским народам и страшным, чудовищным морским зверям. Поэтому, приняв во внимание великие опасности и важность данного ему поручения, вы обязаны сочувствовать ему и любить человека, который теперь покидает вас, а если ему случится счастливо к нам вернуться, то ваше дело и ваш долг щедро наградить его”.

Когда этот благородный молодой дворянин закончил свою речь или, вернее, приблизительно подобную приведенной, во всяком случае более красноречивую, нежели то, что я мог передать, присутствующие стали смотреть друг на друга, спрашивать один другого и совещаться между собой. Те же, которые знали высокие качества Ченслора, радовались в душе и надеялись, что со временем он выкажет свои редкие качества и что его добродетели, уже ясно видимые и сиявшие миру, еще возрастут к великой чести и успехам английского королевства.

Когда вслед за этим общество успокоилось, то самым серьезным людям из числа присутствующих показалось необходимым расспросить, поискать и выяснить все, что можно было узнать о восточных странах света. Послали за двумя татарами, служившими в то время в королевских конюшнях, и позвали переводчика, через которого их расспрашивали о их странах и обычаях их народа. Но они не были в состоянии ответить ничего, касавшегося дела, будучи более привычны (как это и сказал весело и откровенно один из них) пьянствовать, чем изучать строй и наклонности народов. После большого шума и разных разговоров пришли, наконец, к решению назначить срок для отплытия судов, так как многие были того мнения, что значительная часть лучшего времени года уже упущена и что если срок отплытия будет еще отдален, то путь будет остановлен и прегражден силой льдов и холодного климата. В силу этого было единогласно решено, что если будет угодно богу, то 20 мая капитаны и матросы сядут на корабли и отплывут из Рэтклиффа с началом отлива. В назначенный день все, простившись с близкими, кто с женой, кто с детьми, кто с родственниками, кто с друзьями, более дорогими, чем родня, были на месте, готовые к отплытию. Подняв якоря, они

двинулись с началом отлива и, идя тихим ходом, дошли до Гринича. Большие корабли вели на буксире лодки, шедшие на веслах, и моряки, все одетые в уэчет, т. е. небесно-голубые суконные одежды, сильно гребли, старательно направляя путь.

Когда они подошли к Гриничу, где в то время был королевский двор, и когда о приходе кораблей разнеслись первые вести, придворные выбежали из дворца и собрался простой люд, густой толпой стоявший на берегу. Члены тайного совета смотрели из окон дворца, остальные взобрались на верхушки башен. Тут корабли дали артиллерийский залп, выстрелив из всех орудий на военный и морской образец, так что в ответ зазвучали вершины холмов, а долины и вода отозвались эхом; моряки же так закричали, что небо зазвенело от шума. Кто стоял на корме и жестами прощался с друзьями, как умел, кто расхаживал над люками, кто карабкался на ванты, кто стоял на реях, кто на марсе. Коротко говоря, это было некоторым образом настоящее торжество для зрителей. Но увы! добрый король Эдуард, в честь которого это все было, главным образом, устроено, не присутствовал при этом зрелище вследствие болезни, а недолго спустя после отплытия этих судов последовало печальное и горестное событие — его кончина.

Но возвратимся к делу.

Идя вниз по реке с отливом, суда дошли до Улича, где остановитесь и бросили якоря, намереваясь идти дальше, как только состояние воды и более благоприятный ветер позволят поднять паруса. Отплыв затем, они дошли до Гарича; в этой гавани они стояли долго, не без большой потери и траты времени. Наконец, при попутном ветре они подняли паруса и вверили себя морю, послав последнее прощанье родине и не зная, возвратятся ли они когда-нибудь и увидят ли ее снова или нет. Многие из них оглядывались назад и не могли удержаться от слез, думая о том, какие случайности их ожидают и какие им придется испытать превратности моря.

В числе других, капитан судна “Эдуард — Благое Предприятие” был не мало озабочен боязнью недостатка в съестных припасах, часть которых в Гариче оказалась сгнившей и испорченной; бочки с вином также ослабели и текли. Его естественная отеческая привязанность

также несколько тревожила его, потому что он оставил на родине двух маленьких сыновей, которые оказались бы сиротами, если бы он погиб. Заботило его и состояние экипажа, которое до некоторой степени было неудовлетворительно, а между тем этому экипажу суждено было переживать вместе с ним все хорошее и все дурное. Тем временем, пока мысли его были заняты многочисленными горестями и заботами, после многих дней плавания, они увидели вдалеке землю, куда кормчий и направил корабли. Подойдя к земле, они высадились и узнали, что это остров Рост. Здесь они простояли несколько дней, потом снова поплыли дальше и, подвигаясь к северу, увидели еще несколько островов, которые назывались Крестовыми островами (Вероятно, имеется в виду группа Лофотенских островов.).

Когда они несколько отошли от этих мест, начальник экспедиции, сэр Х. Уиллоуби, человек очень предусмотрительный в своих действиях, поднял флаг, созывая начальствующих лиц с других кораблей, чтобы при их совете внести возможные улучшения в порядок управления судами и ведения их во время всего плавания. Съехавшись вместе, они, в соответствии с желанием начальника, порешили и согласились, что в случае, если когда-нибудь поднимется сильная буря и разбросает и рассеет их, каждый корабль будет всячески стараться дойти до Вардехуса, гавани и Замка того же имени в Норвежском королевстве, и что те, которые благополучно придут туда раньше всех, остановятся там и будут ждать прихода остальных.

В тот же самый день около четырех часов пополудни поднялась такая сильная буря и море так разбушевалось, что корабли не могли держаться намеченного курса и силою волнения принуждены были идти каждый своей дорогой к великой для себя опасности и навстречу всяким случайностям. Начальник громким голосом кричал Ричарду Ченслору и настойчиво просил его не отдаляться; но последний не хотел и не мог держаться поблизости, пока адмиральское судно продолжало идти так же быстро, потому что оно было лучшим парусником, нежели корабль Ченслора. Адмиральский корабль (я не знаю как это случилось) унесся на всех парусах с такой силой и быстротой, что вскоре исчез вовсе из виду, а третий корабль был также отнесен в сторону этой страшной бурей и потерял нас.

Корабельный бот адмиральского корабля опрокинулся на глазах моряков “Благого Предприятия”. Те, которые вернулись на родину, с тех пор ничего не знают об остальных кораблях и о том, что случилось с ними. Но если случилось так, что они погибли в несчастном крушении, если бешенство моря поглотило этих добрых людей или если они до сих пор живут и блуждают в неведомых краях, мой долг сказать, что они заслуживали лучшей судьбы. Если они живы, то пожелаем им благополучного и счастливого возвращения; если их постигла жестокая смерть, то пошли им бог христианское погребение и могилу.

Ричард Ченслор, оставшись один со своим кораблем и экипажем, тяжело призадумался и испытывал большое горе вследствие рассеяния флота. Согласно полученному ранее приказанию, он направил курс в Норвегию, в Вардехус, чтобы там дожидаться прихода других судов. Придя туда и безуспешно прождав их 7 дней, Ченслор решил, наконец, один продолжать начатое путешествие. Случилось так, что, приготавливаясь к отъезду, он познакомился и разговорился с некими шотландцами. Последние, узнав о его намерении и желая ему добра, стали настойчиво отговаривать его от дальнейшего продолжения плавания, преувеличивая грозящие ему опасности и не упуская ни одного довода в пользу своего мнения. Однако, считая непостоянство и легкомыслие постыднейшим делом, заслуживающим самых сильных упреков, и будучи убежден, что отважный человек не может совершить более бесчестного поступка, как избегать и уклоняться от всяких дерзаний, Ченслор не изменил своего намерения и не пришел в уныние от слов и разговоров шотландцев. Он остался твердым и непреклонным в своем первом решении, твердо поставив задачей или привести в исполнение то, что было намечено, или умереть.

Что касается экипажа Ченслора, то хотя люди были очень огорчены потерей своих спутников, которых отделила от них вышеописанная буря, и немало смущены думами и размышлениями о своем ненадежном плавании, однако они были так единодушны во взглядах с капитаном Ченслором, что твердо решили под его управлением и начальством перенести все испытания без всякой боязни и недоверия к себе в грядущих опасностях.

Подобная твердость всего экипажа очень усилила заботливость их капитана. Их готовность и любовь к нему подняли его дух, и он стал менее опасаться подвергнуть опасности свой экипаж.

Коротко говоря, когда они увидели, что их надежды на приход остальных судов с каждым днем становятся все более и более тщетными, они вышли в море, и капитан Ченслор направил курс к неизвестным странам и зашел так далеко, что оказался в местах, где совсем не было ночи, но постоянно сиял ясный свет солнца над страшным и могучим морем (Риторическое увлечение Адамса: огибая Нордкап, Ченслор находился в значительно более высоких широтах.). После пользования непрерывным солнечным светом в течение нескольких дней богу угодно было привести их в большой залив длиной в сто миль или больше. Они вошли в него и бросили якорь, далеко зайдя вглубь. Оглядываясь вокруг и ища пути, они заметили вдалеке рыбацью лодку. Капитан Ченслор с несколькими людьми отправился к ней, чтоб завязать сношения с бывшими в ней рыбаками и узнать от них, какая здесь страна, какой народ и какой их образ жизни. Однако рыбаки, пораженные странным видом и величиной его корабля (ибо здесь до того времени ничего подобного не видели), тотчас же обратились в бегство; он все же следовал за ними и, наконец, догнал их. Когда Ченслор подъехал к ним, рыбаки, помертвев от страха, пали перед ним ниц и собирались целовать его ноги. Но он, по своей всегдашней большой любезности, ласково посмотрел на них, ободряя их знаками и жестами, отказываясь от их знаков почтения, и с дружеской лаской поднимал их с земли. Даже странным кажется, как много сочувствия приобрел он в этих местах своим ласковым обращением! Отпущенные Ченслором рыбаки разнесли по всей округе весть о приезде неведомых людей чрезвычайно любезных и ласковых. Вслед за этим простые люди начали приезжать к кораблю. Они добровольно предлагали новоприезжим гостям съестные припасы и не отказались бы от торговых сношений, если бы не чувствовали себя связанными религиозно соблюдаемым обычаем не покупать иностранных товаров без ведома и согласия своего короля.

Тем временем наши люди узнали, что страна эта называлась Россией, или Московией, и что Иван Васильевич (таково было имя их тогдашнего короля) правил далеко простиравшимися вглубь землями. Русские варвары, в свою очередь, спрашивали у наших, откуда они и

зачем они приехали, на что они получали ответ, что приехали англичане, посланные к этим берегам превосходнейшим королем Эдуардом Шестым с приказанием сделать их королю сообщение о некоторых делах, что они ничего не ищут кроме его дружбы и возможности торговать с его подданными, отчего великая прибыль будет для подданных обоих королевств.

Варвары охотно слушали такие речи и обещали помочь и содействовать немедленному осведомлению своего короля о столь умеренной просьбе.

В то самое время капитан Ченслор обратился с просьбой к губернатору этих мест, который вместе с другими приезжал на корабль, чтоб тот позволил ему приобрести за деньги нужные для экипажа съестные припасы, и просил дать ему заложников для большей безопасности своей и экипажа. Губернатор ответил, что они не знают, какова будет в этом деле воля их короля, но что они охотно сделают ему угодное во всем, в чем они могут по закону распорядиться сами, и разрешил доставку ему продовольствия.

Пока все это происходило, послали тайно гонца к царю, чтобы сообщить о прибытии иностранцев и вместе с тем чтобы узнать, как ему угодно поступить с ними. Царь принял известие очень благосклонно и по своему почину, пригласил наших прибыть к его двору. Если же англичане не захотят ехать вследствие продолжительности пути, то царь дозволяет своим подданным вести сношения и торговать с ними. Далее он обещал, что если им угодно будет к нему приехать, то он возьмет на себя все издержки по переезду. Тем временем местные правители откладывали дело со дня на день, то говоря, что нужно единогласное решение всех их, то, что большие и важные государственные дела заставляют их отложить ответ. Все это они делали нарочно, чтоб протянуть время, пока гонец, посланный к королю, не вернулся с извещением его воли.

Однако капитан Ченслор, видя, что ему так долго приходится ждать понапрасну, и думая, что они все время откладывают дело, чтоб обмануть его, настаивал перед местными правителями на исполнении их обещания. В противном случае, сказал он, он уедет и будет продолжать свое путешествие. Поэтому московиты, хоть и не знали

еще решения своего короля, но, боясь, что наши действительно уедут со всеми своими товарами, которые они так хотели получить, решили, наконец, снабдить наших всем необходимым и отвезти их сухим путем к королю. Так капитан Ченслор отправился в сухопутное путешествие, которое было очень длинным и тяжелым. Он пользовался санями, очень распространенными в этой стране; все там ездят на санях, и все их повозки такого вида; народ почти не знает других повозок вследствие чрезвычайной твердости земли, замерзающей зимой от холода. Последний в этой стране ужасен и достигает крайних размеров, о чем мы скажем кое-что ниже.

Уже когда они проехали большую часть пути, они встретили ехавшего на санях гонца, о котором я говорил выше и который был послан судьями и правителями. Тот по какому-то несчастному недоразумению сбился с дороги и ездил к морскому берегу, лежащему поблизости от страны татар, думая, что там найдет наш корабль. После долгих блужданий по неверным путям он выехал на прямую дорогу и здесь встретил капитана на пути в Москву. Он передал ему грамоты царя, написанные со всею возможною вежливостью и благосклонностью. В них содержалось и прямое приказание, чтобы лошади для капитана и его спутников доставлялись бесплатно. Во всю остальную часть пути русские везли наших так охотно, что ссорились и дрались, споря между собой, кто заложит почтовых лошадей в сани. Так после многих хлопот и трудов, перенесенных во время длинного и тяжелого путешествия, ибо они проехали около тысячи пятисот миль, капитан Ченслор приехал, наконец, в Москву — главный город королевства и местопребывание короля (Дальнейший рассказ Адамса представляет собой риторическое и высокопарное повторение рассказа самого Ченслора, который и приводится здесь полностью.).

2. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором.

Ввиду того что всем, кто ставит себе целью путешествовать в далеких, чужеземных краях, приличествует и даже необходимо стараться не только узнать о порядках, товарах и плодородии этих стран, но и сообщать об этом во всеобщее сведение и тем побудить других к путешествиям, я счел ныне за благо составить короткий

рассказ о ходе этого моего путешествия в Россию и Московию и в другие прилегающие к ней страны. А так как я имел случай попасть в северные области России прежде, чем проехать в Московию, я отчасти сообщу сведения и о них. Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются. Русские — отличные ловцы семги и трески; у них много масла, называемого нами ворванью, которая большею частью изготовляется у реки, называемой Двиной. Они производят ее и в других местах, но не в таком количестве, как на Двине. Они ведут также крупную торговлю вываренной из воды солью. В северной части страны находятся места, где водится пушнина — соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностая и олени. Там добывают рыбий зуб; рыба эта называется морж. Ловцы ее живут в месте, называемом Пустозеро (Postesora), и привозят рыбий зуб на оленях в Лампожию (Lampas) на продажу, а из Лампожии везут в место, называемое Колмогоры (Colmogro), где бывает в Николин день большая ярмарка. К западу от Колмогор есть город Гратанове (Gratanove), по нашему Новгород (Откуда получилось такое искажение названия Новгорода — неясно; далее в подлиннике везде такое название повторяется, в нашем тексте даем название Новгород.), где растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень много воска и меда. У голландских купцов есть там склады. Там также очень много кож, равно как и в городе, называемом Псковом (Plesco); и во Пскове много льна, конопли, воска и меда, город этот находится от Колмогор в 120 милях (Расстояние, явно преуменьшенное, на какие бы мили ни вести расчет.).

Есть там город, называемый Вологда: тамошние товары — сало, воск и лен, но там их не так много, как в Новгороде. От Вологды в Колмогоры течет река называемая Двиной, которая за Колмогорами впадает в море. Колмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву и все окрестные области солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля (Ieraslave) — 200 миль, это — очень большой город. Тамошние товары — кожа, сало и хлеб — в очень большом количестве и некоторое количество воска, но его не так много, как в других местах.

Москва (Mosco) находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны

народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль, все их перевозки производятся на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико.

Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями. Но она построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении. Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича. Говорят, что стены эти толщиной в 18 футов, но я не верю этому, они не кажутся такими. Впрочем, я не знаю этого наверно, так как ни один иностранец не допускается к их осмотру. По одну сторону замка проходит ров, по другую — река, называемая Москвой (Moscuа), текущая в Татарию и в море, называемое Каспийским. С северной стороны расположен нижний город; он также окружен кирпичными стенами и таким образом примыкает к стенам замка (Ченслор совершенно верно передает топографическое соотношение Кремля (замка) и Китай-города (город, насеченный низшими слоями), кирпичные стены которого были построены в 1530-х годах.). Царь (emperor) живет в замке, в котором есть 9 прекрасных церквей и при них духовенство. Там же живет митрополит с различными епископами. Я не буду описывать их зданий и сооружений и оценивать их крепости, потому что у нас в Англии замки лучше во всех отношениях. Впрочем, московские крепостные сооружения хорошо снабжены всевозможной артиллерией.

Дворец царя или великого князя как по постройке, так и по внешнему виду и по внутреннему устройству далеко не так роскошен, как те, которые я видел раньше. Это очень низкая постройка из камня, обтесанного гранями (Вероятно, имеется в виду Грановитая палата.), очень похожая во всех отношениях на старинные английские здания.

Теперь перехожу к рассказу о моем представлении царю. После того как прошло уже 12 дней с моего приезда, секретарь (Ченслор прибыл к устью Двины 24 августа 1553 г., из Колмогор он выехал 3 ноября того же года. Его представление царю должно было происходить в январе 1554 г. “Секретарь, ведающий дела иностранцев” — вероятно, кто-нибудь из дьяков или старших подьячих посольского приказа.), ведающий дела иностранцев, послал за мной и известил меня, что великому князю угодно, чтоб я явился к его величеству с грамотами короля, моего государя. Я был очень доволен этим и тщательно приготовился к приему. Когда великий князь занял свое место, толмач пришел за мною во внешние покои, где сидели сто или больше дворян, все в роскошном золотном платье; оттуда я прошел в зал совета, где сидел сам великий князь со своею знатью, которая составляла великолепную свиту. Они сидели вдоль стен комнаты на возвышении, но так, что сам великий князь сидел много выше их на позолоченном сидении в длинной одежде, отделанной листовым золотом, в царской короне на голове и с жезлом из золота и хрусталя в правой руке; другой рукой он опирался на ручку кресла. Канцлер (Под “канцлером” следует, вероятно, разуместь думного дьяка посольского приказа Ивана Михайловича Висковатого, занимавшего эту должность до своей опалы и казни в 1570 г.) и секретарь стояли перед великим князем. Когда я отдал поклон и подал свои грамоты, он обратился ко мне с приветствием и спросил меня о здоровье короля, моего государя. Я ответил, что при моем отъезде от его двора король находился в добром здоровье и что я уверен, что он и теперь находится в таком же добром здоровье. После этого царь пригласил меня к обеду. Мое приношение канцлер представил его милости с непокрытой головой (до того они все были в шапках). Когда его милость получил мои грамоты, мне предложили удалиться: мне было сказано, что я не могу сам обращаться к великому князю, а только отвечать ему, если он говорит со мной. Итак, я удалился в комнату секретаря, где оставался два часа. Затем снова пришли за мной и повели меня в другую палату, называемую “Золотой” (Ченслор в этом месте говорит что его повели в другой дворец (palace), но судя по дальнейшему описанию, дело, вероятно, идет не об отдельном дворце а именно о так называемой “Золотой палате” царского дворца.). Я не вижу, однако, причин, почему бы ей так называться, ибо я видел много гораздо лучших, чем эта. Итак, я вошел в залу, которая невелика и гораздо меньше зал английского королевского величества. Стол был

накрыт скатертью, на конце его сидел маршал (трудно точно определить, кого Ченслор называет маршалом. Боярином и дворецким был в то время боярин Даниил Романович Юрьев-Захарьин, старший брат царицы Анастасии Романовны.) с небольшим белым жезлом в руке, стол был уставлен золотой посудой; на другой стороне залы стоял поставец с посудой. Отсюда я прошел в обеденную палату, где сам великий князь сидел не в торжественном наряде, в серебряном одеянии с царской короной на голове. Он сидел на кресле, поставленном довольно высоко; около него не сидел никто; все сидели в некотором отдалении. Длинные столы были накрыты вокруг комнаты; все они были заполнены теми, кого великий князь пригласил к обеду; все были в белом. Все места, где стояли столы, были на две ступени выше, чем пол остальной части палаты. Посередине палаты стоял стол, или поставец для посуды: он был полон золотых кубков, среди которых стояли четыре чудесных жбана, или кружки (*crudences*), как их здесь называют. Я думаю, что они были высотой в добрые полтора ярда. У поставца стояли два дворянина с салфетками на плечах; каждый из них держал в руках золотую чашу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями: это были личные чаши великого князя, когда у него являлось желание, он выпивал их одним духом. Что касается яств, подаваемых великому князю, то они подавались без всякого порядка, но сервировка была очень богата: все подавалось на золоте не только ему самому, но и всем нам, и блюда были массивные, кубки также были золотые и очень массивные. Число обедавших в этот день было около 200, и всем подавали на золотой посуде. Прислуживавшие дворяне были все в золотых платьях и служили царю в шапках на голове. Прежде чем были поданы яства, великий князь послал каждому большой ломоть хлеба, причем разносивший называл каждого, кому посылалось, громко по имени и говори!: “Иван Васильевич царь Русский и великий князь Московский жалует тебя хлебом”. При этом все должны были вставать и стоять пока произносились эти слова. После всех он дал хлеб маршалу; тот ест его перед его великокняжеской милостью, кланяется и уходит. Тогда вносят царское угощение из лебедей, нарезанных кусками; каждый лебедь — на отдельном блюде. Великий князь рассылает их так же, как хлеб, и подающий говорит те же слова, как и раньше. Как я уже сказал, кушанья подаются без определенного порядка, но блюдо за блюдом. Затем великий князь рассылает напитки с теми же словами, какие сказаны выше. Перед обедом великий князь переменял корону, а

во время обеда менял короны еще два раза, так что в один день я видел три разные короны на его голове. Когда все кушанья были поданы, он своей рукой дал еду и напитки каждому из прислуживавших дворян. Его цель, как я слышал, состоит в том, чтоб каждый хорошо знал своих слуг. По окончании обеда он призывает своих дворян одного за другим, называя их по имени, так что удивительно слушать, как он может называть их, когда их у него так много. Итак, когда обед кончился, я отправился к себе; это было в час ночи. Теперь я оставляю этот предмет. Я не буду больше говорить ни о царе, ни о его придворном обиходе, но я сообщу кое-что о его стране и народе и о свойствах и могуществе русских в военных делах. Этот князь — повелитель и царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он в состоянии выставить в поле 200 или 300 тысяч человек, и если он идет сам походом, то оставляет на всех границах своего государства немалое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 40 тысяч, на границе Литвы — 60 тысяч, а против Ногайских татар также 60 тысяч, что даже удивительно слышать. Однако он никогда не берет на войну ни крестьян, ни купцов. Все его воины — конные. Пехотинцев он не употребляет, кроме тех, которые служат в артиллерии, и рабочих; число их составляет 30 тысяч. Всадники — все стрелки из лука, и луки их подобны турецким; и, как и турки, они ездят на коротких стременах. Вооружение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове. У некоторых кольчуги покрыты бархатом или золотой парчой; они стремятся иметь роскошную одежду на войне, особенно знать и дворяне. Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить. Сам великий князь снаряжается свыше всякой меры богато; его шатер покрыт золотой или серебряной парчой и так украшен камнями, что удивительно смотреть. Я видал шатры королевского величества Англии и французского короля, которые великолепны, но все же не так, как шатер московского великого князя. А когда русских посылают в далекие чужеземные страны или иностранцы приезжают к ним, то они выказывают большую пышность. В других случаях сам великий князь одевается очень посредственно, а когда он не разъезжает с одного места на другое, он одевается немного лучше обыкновенного. В то время когда я был в Москве, великий князь отправил двух послов к королю Польскому по крайней мере при 500 всадниках; они были одеты и снаряжены с пышностью свыше всякой меры — не только на

них самих, но и на их конях были бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом и притом не в малом числе. Что мне еще сказать? Я никогда не слышал и не видел столь пышно убранных людей. Но это не их повседневная одежда; как я уже сказал выше, когда у них нет повода одеваться роскошно, весь их обиход в лучшем случае посредственный.

Теперь — о их ведении войны; на поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой. Но я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство воинов великого князя за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и т. п., стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн. Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней и малые расходы, которые причиняют ему войны, ибо он не платит жалования никому, кроме иностранцев. Последние имеют ежегодное жалованье, но небольшое. Подданные великого князя служат каждый на свой собственный счет; только своим стрельцам он

дает некоторое жалованье на порох и снаряды. Кроме них никто во всей стране не получает ни одного пенни жалованья. Однако если человек имеет большие заслуги, то великий князь дает ему ферму или участок земли (т. е. поместье, которое Ченслор и имеет в виду в дальнейшем изложении.); за что получивший обязан быть готовым к походу с таким количеством людей, какое назначает князь; он же должен соображать в своем уме, что может дать этот участок и соответственно этому он обязан поставлять, что положено, когда во владениях великого князя ведутся войны. В этой стране нет ни одного земельного собственника, который не был бы обязан, если великий князь потребует, поставить солдата и работника со всем необходимым.

Точно так же, если какой-нибудь дворянин или земельный собственник умирает без мужского потомства, то великий князь, немедленно после его смерти отбирает его землю, невзирая ни на какое количество дочерей, и может отдать ее другому человеку, кроме небольшого участка, чтобы с ним выдать замуж дочерей умершего. Точно так же, если зажиточный человек, фермер или собственник (т. е. вотчинник. У Ченслора очень верное понимание принципа поместного владения, но он как будто склонен служебную вотчину слишком тесно сближать с поместьем.), состарится или несчастным образом получит увечье и лишится возможности нести службу великого князя, то другой дворянин, нуждающийся в средствах к жизни, но более годный к службе, идет к великому князю с жалобой, говоря: у вашей милости есть слуга, неспособный нести службу вашего высочества, но имеющий большие средства; с другой стороны, у вашей милости есть много бедных и неимущих дворян, а мы, нуждающиеся, способны хорошо служить. Ваша милость пусть посмотрит на этого человека и заставит его помочь нуждающимся. Великий князь немедленно посылает расследовать об имении состарившегося. Если расследование подтвердит жалобу, то его призывают к великому князю и говорят ему: “друг, у тебя много имения, а в государеву службу ты негоден; меньшая часть останется тебе, а большая часть твоего имения обеспечит других, более годных к службе”. После этого у него немедленно отбирают имение, кроме маленькой части на прожиток ему и его жене. Он даже не может пожаловаться на это, он ответит, что у него нет ничего своего, но все его имение принадлежит богу и государевой милости; он не может сказать, как простые люди в Англии, если у нас что-нибудь есть, что оно — “бога и мое

собственное”. Можно сказать, что русские люди находятся в великом страхе и повиновении и каждый должен добровольно отдать свое имение, которое он собирал по клочкам и нацарапывал всю жизнь, и отдавать его на произволение и распоряжение государя. О, если бы наши смелые бунтовщики были бы в таком же подчинении и знали бы свой долг к своим государям! Русские не могут говорить, как некоторые ленивцы в Англии: “Я найду королеве человека, который будет служить ей за меня”, или помогать друзьям оставаться дома, если конечное решение зависит от денег. Нет, нет, не так обстоит дело в этой стране; они униженно просят, чтоб им позволили служить великому князю, и кого князь чаще других посылает на войну, тот считает себя в наибольшей милости у государя; и все же, как я сказал выше, князь не платит никому жалования. Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них. Но я думаю, что не такова божья воля: я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу; а ведь если бы этот конь сознавал ее, то с ним не справился бы ни ребенок, ни взрослый человек. Войны русские ведут с крымскими татарами и с ногайцами.

Я не буду продолжать дальше рассказа о их могуществе и их войнах; это было бы слишком скучно читателю, но я вкратце расскажу о их законах, наказаниях и судебном производстве. Я начну прежде всего с сельского населения, власть над которым принадлежит дворянам; депо в том, что каждый дворянин имеет право суда над своими крестьянами (tenants) (Называя крестьян английским термином tenants, Ченслор, видимо, сближает их с английскими арендаторами земельных участков.). И если случается, что холопы (servants) или крестьяне двух различных дворян затеют ссору, то оба дворянина, призвав обе стороны, рассматривают дело и постановляют решение. Но если они не могут окончательно разрешить дело между собою, то оба дворянина должны привести своего холопа или крестьянина и поставить его перед высшим судьей или судом данной области и объяснить сущность дела. Истец говорит: я требую правосудия; его просьба исполняется: приходит пристав (an officer) и арестует ответчика, поступая с ним совершенно противно английским законам. Задержанных людей у них бьют по ногам, пока они не представят поручительства по своему делу. Если же он этого не сделает, то ему

привертывают руки к шее, водят по городу и бьют по ногам, налагая и другие крайние наказания, пока не приведут к судье. Судья спрашивает, если дело идет о долге: Повинен ли ты уплатить этому человеку такой-то долг?" Он может быть скажет: "нет". Тогда судья говорит: "можешь ли ты доказать, что ты не должен; послушаем, как ты это сделаешь". "Присягой", говорит ответчик. Тогда судья приказывает прекратить бить его до дальнейшего разбирательства дела.

В одном отношении русское судопроизводство достойно одобрения. У них нет специалистов-законников, которые бы вели дело в судах. Каждый сам ведет свое дело и свои жалобы и ответы подает в письменной форме, в противоположность английским порядкам. Жалоба подается в форме челобитной на имя великокняжеской милости, она подается в его собственные руки и содержит просьбу о правосудии, сообразно тому, как изложено в жалобе.

Великий князь постановляет решения по всем вопросам права. Конечно, достойно похвалы, что такой государь берет на себя труд отправления правосудия. Несмотря на это происходят удивительные злоупотребления и великого князя много обманывают. Но если окажется, что должностные лица скрывают истину, то они получают заслуженное наказание. Если же истец не может доказать ничего, то ответчик целует крест в том, что он прав. Тогда спрашивают истца, не может ли он представить какие-либо иные доказательства. Если нет, то он может иногда сказать, "я могу доказать свою правоту своим телом и руками или телом моего бойца", и таким образом просит поля. После того, как противная сторона принесет присягу, поле дается и той и другой; перед тем, как стать на поле, оба целуют крест, что они правы и что каждый заставит другого признать истину, прежде чем они уйдут с поля. Итак, оба выходят в поле с оружием, обычно употребляемым в этой стране. Они всегда сражаются пешими. Сами стороны бьются редко, если только они не из дворян. Последние очень стоят за свою честь и желают сражаться только с лицами, происходящими из столь же благородного дома, как они сами. Итак, если одна из сторон требует поля, то оно дается им, причем запрещается ставить вместо себя наемного бойца, благодаря чему дело обходится без обмана. Иначе обстоит дело, когда бьются наемные бойцы. Хотя они дают великие клятвы, что будут биться честно и по правилам, но часто

наблюдается противоположное, потому что обычно наемные бойцы не имеют других средств существования. Как только одна сторона одержит победу, она требует уплаты долга, ответчика же отправляют в тюрьму, где подвергают его самому позорному обращению, пока он не примет своих мер. Есть и другой порядок суда: истец в некоторых тяжбах о долге сам принимает присягу. Если ответчик беден, его подводят под распятие, а истец клянется над его головой. Когда присяга принесена, великий князь берет ответчика в свое дворцовое хозяйство и обходится с ним, как со своим холопом, заставляет его работать или отдает его в наем каждому желающему до тех пор, пока его друзья не позаботятся о его выкупе: иначе он остается в холопстве до конца жизни. С другой стороны, есть много таких, которые сами продают себя дворянам и купцам в холопство, чтоб всю жизнь получать за это пищу, питье и платье, а при продаже они получают также деньги. А некоторые так даже продают своих жен и детей в наложницы и слуги покупателю.

Русские законы о преступниках и ворах противоположны английским законам. По их законам они не могут повесить человека за первое преступление, но они могут долго держать его в тюрьме, часто бить его плетьюми и налагать на него другие наказания; и он будет сидеть в тюрьме, пока его друзья не возьмут его на поруки. Если это вор или мошенник, каких здесь очень много, то если он попадется во второй раз, ему отрезают кусок носа, выжигают клеймо на лбу и держат в тюрьме, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении. А если его поймают в третий раз, то его вешают. Но и в первый раз его наказывают жестоко и не выпускают, разве только у него найдутся добрые друзья или какой-нибудь дворянин пожелает взять его с собой на войну, но при этом последний принимает на себя большие обязательства: этими-то средствами и поддерживается в стране достаточное спокойствие. Русские по природе очень склонны к обману; сдерживают их только сильные побои. Точно так же от природы они привыкают к суровой жизни, как в отношении пищи, так и в отношении жилья. Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на воле, если бы только не подвергаться сильным побоям. Там они получают пищу и питье без всякой работы, да еще пользуются благотворительностью добрых людей, а на свободе они не зарабатывают ничего. Бедняков здесь неисчислимо количество, и живут они самым жалким образом. Я

видел, как они едят селедочный рассол и всякую вонючую рыбу. Да и нет такой вонючей и тухлой рыбы, которую бы они не ели и не похваливали, говоря, что она гораздо здоровее, чем всякая другая рыба и свежее мясо. По моему мнению, нет другого народа под солнцем, который вел бы такую суровую жизнь.

Однако я оставляю теперь этот предмет и частично опишу их религию. Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слыхано. В их церквах нет высеченных изображений, но только писанные, дабы не нарушать заповеди (Заповедь: “Не сотвори себе кумира...”); но к своим писанным иконам они относятся с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали. Они не поклоняются и не почитают никакой иконы, сделанной не в их стране. По их словам, начертания и образы их икон установлены от бога, не как у нас. Они говорят, что мы, англичане, чтим иконы в том виде, как сделает их живописец или ваятель, а они, русские, почитают иконы, только когда они освящены. Они считают нас только полухристианами, потому что мы, подобно туркам, не соблюдаем всего ветхого завета. Поэтому они считают себя святее нас. Они учатся только своему родному языку и не терпят никакого другого в своей стране и в своем обществе. Вся их церковная служба происходит на родном языке. Они почитают ветхий и новый завет, которые ежедневно читаются, но суеверие от этого не уменьшается. Ибо, когда священники читают, то в чтении их столько странностей, что их никто не понимает; да никто их и не слушает. Все время, пока священник читает, народ сидит и люди болтают друг с другом. Но когда священник совершает службу, никто не сидит, но все гогочут и кланяются, как стадо гусей. В знании молитв они мало искусны, но обычно говорят: “As bodi romele”, что значит “господи, помилуй меня”, и десятая часть населения не сумеет прочесть “отче наш”; что касается “верую”, то в это дело никто и впутываться не будет вне церкви, ибо они говорят, что об этой молитве можно даже и говорить только в церкви. Заговорите с русскими о заповедях, они скажут, что они были даны Моисею в законе, который был отменен достойными почитания страданиями и смертью Христа; а потому мы (говорят русские) соблюдаем их плохо или вовсе не соблюдаем. И в этом я им верю, ибо если их начать испытывать одновременно во всем их церковном законе и в заповедях, то согласия было бы немного. Таинство причащения совершается у них под обоими видами и с

большей торжественностью, чем у нас. Они выносят дары в чаше под обоими видами сразу и носят их по всей церкви на голове священника и так действуют каждый раз, как это потребует. Они ставят большое количество свечей и часто жертвуют деньги, которые мы в Англии называем “деньгами по душе” (soule pence), и все с такими церемониями, что я их пересказать не могу. У русских четыре поста в году; из них наш пост считается важнейшим. Но мы начинаем его со среды, а они — с понедельника перед тем. Предыдущую неделю они называют “масляной” (Butterweek), и в эту неделю они не едят ничего, кроме молока и масла. Однако я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства. Следующий пост называется Петровским; он всегда начинается в понедельник, следующий после Троицына дня, и заканчивается накануне Петрова дня. Русские убеждены, что если нарушить этот пост, то не пройдешь через небесные ворота. Когда кто-нибудь из них умирает, то в гроб ему кладут свидетельство, которое душа, подойдя к воротам рая, могла бы предъявить св. Петру, который тогда объявляет, что это верный и святой русский человек. Третий пост начинается за 15 дней до Успенья и кончается накануне его. Четвертый пост начинается в день св. Мартина и кончается накануне Рождества. В этот пост постятся в честь св. Филиппа, св. Петра, св. Николая и св. Климента. Эти четверо — главные и величайшие святые этой страны. Во время своих постов русские не едят ни масла, ни яиц, ни молока, ни сыра, но, строго соблюдая посты, питаются рыбой, капустой и кореньями. Кроме постов они круглый год свято соблюдают среды и пятницы, а по субботам едят мясо. Далее, у русских очень много духовных лиц: это—черные монахи, которые весь год не едят мяса, а только рыбу, молоко и масло. По их правилам они не должны есть свежей рыбы, а во время постов едят только молодую капусту, капусту кочанную, огурцы и другие коренья, вроде репы и т. п. Их напиток похож на наш пенсовый эль и называется “квас” (quass). В монастырских церквах служат ежедневно; идут монахи к службе за два часа до рассвета, а кончается она при дневном свете. В 9 часов идут к обедне, по окончании ее — обед; после этого опять служба и наконец ужин. Вы поймете, что за обедом и ужином каждый день объясняется евангелие на данный день, но как они коверкают и путают евангелие с другими частями св. писания — это, по слухам, удивительно. Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем. Судите теперь о их святости. У них вдвое больше

земли, чем у самого великого князя, но по отношению к ним он действует умеренно. Когда они обирают простых людей и бедняков, он получает часть. Когда настоятель (abbot) какого-нибудь монастыря умирает, великий князь наследует все его движимое и недвижимое имущество, так что его преемнику приходится выкупать его у великого князя; вследствие этого монахи — лучшие арендаторы князя. Здесь я кончаю о их религии, надеясь потом узнать ее лучше.